

Ирина Вышеславская, Глеб Вышеславский

Леонид Вышеславский и Одесса*

Воспоминания внука – Глеба Вышеславского

Я впервые увидел Одессу в 1976 году, во время летних каникул после шестого класса художественной школы. Со мной был альбомчик для зарисовок и строгое задание учителя рисования Юрия Ивановича Золотова выполнить летнюю практику – огромное, казавшееся нереальным количество рисунков и акварелей. Меня взяли с собой мой дедушка – поэт Леонид Вышеславский, и бабушка – филолог и поэтесса Агнесса Балтага. Летом Дом творчества писателей на Большом Фонтане становился санаторием, куда приезжали не писать, а купаться, вечерами читать друг другу стихи в тени акаций центральной аллеи, которая неожиданно обрывалась глубоким провалом – глиняными оползнями к морю. Летний кинотеатр слева от аллеи, где раз в неделю крутили фильмы Шукшина, был последним строением, за которым с высоты обрыва открывался головокружительный вид на Большешэфонтанский мыс и здания монастыря. «Видишь, – говорил мне дедушка, – мыс становится все длиннее, поскольку берег сползает в море – деревья, дома, дороги, а мыс, на котором монастырь, – остается». От этих слов, столь наглядно демонстрировавших действие времени, становилось очень тревожно. Но вокруг жаркое солнце заполняло удивительное пространство, террасами спускающееся к морю. Я часами лазил по оползням, соединяя нитями ветви деревьев, которые когда-то были на одной высоте, а теперь ушли вниз. Из цветных нитей получалась огромная воздуш-

* Окончание. Начало в кн. 47.

ная диаграмма спуска деревьев. Я тогда не знал, что это можно назвать инсталляцией.

Отношение Леонида Вышеславского к Одессе было восторженным и полным воспоминаний. Он очень много рассказывал. Казалось, каждый дом, каждое дерево оживляло в его памяти какое-то событие или стихотворение. Конечно, для моей головы шестиклассника было не под силу вместить и малую часть того, что я слышал. А слышал я вещи удивительные. Истории про неведомых мне священников, монахов, офицеров, уплывающих в Стамбул. Про мэра Одессы, библиотеку и парк со скульптурами, которые увозят во Францию. Про писателей, уехавших из Одессы. Про писателей расстрелянных или чудом спасшихся. И все это изобилие сюжетов странным образом имело ко мне непосредственное родственное отношение.

Но чтобы не перегружать мою неподготовленную голову картинками столь разных миров, а ведь я был учеником советской школы 70-х годов, мой дедушка вполне резонно сосредоточился на тех воспоминаниях, которые мне, в силу близости по возрасту, было легче воспринять, – о своем детстве, которое прошло в Большефонтанском монастыре.

Но, как и во всякой истории, была прелюдия. Дедушке пять лет, он живет в Одессе с родителями. Но мама заболевает и оказывается в больнице. Идет гражданская война, город переходит из рук в руки. В какой-то момент отец, опасаясь расстрела, должен был срочно скрыться. Он оставляет сына у своих знакомых, недалеко от Успенского монастыря, что на Большом Фонтане. Но оказалось, что и они рискуют жизнью. Ночью всех будят солдаты и ведут на расстрел по казавшемуся бесконечным глиняному спуску к морю. Вокруг оползней, которые образуют пещеры. В одну из таких расщелин и спрятался пятилетний Люсик, спасши себе жизнь у стен монастыря. Много лет позже я обнаружил этот рассказ в одной из книг Л. Вышеславского. Там он обрел название «Когда я был ящерицей».

Спустя несколько лет Л. Вышеславский жил в Большефонтанском монастыре уже школьником. Он учился в антирелигиозной советской обстановке в харьковской школе «Метал-

лист». Как известно, в те годы вся динамика жизни, вся убежденность окружающих были направлены в будущее, к прогрессу, к науке, к коммунизму. Он участвует в школьных демонстрациях, в работе детских кружков, оформляет стенгазеты. Восхищается поэзией Маяковского, помнит наизусть его стихи, в том числе поэму «Облако в штанах». И вот, рассказывая это, дедушка цитировал:

Я думал – ты всеильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.

Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

Но вот летние каникулы – и юный Люсик попадает в монастырь, в тихие кельи монахов. Он помогает в службе своему дедушке – священнику Харлампию, поет в церковном хоре, а когда поднимается на звонницу сзывать к обедне, то ветер морского простора сливается с жарким солнцем и пронзительно ярким звоном колокола. Он говорил, что сам шум прибоя продолжал мелодию древнего и величественного церковного славословия природе космосу и их создателю – Богу. Вечером он смотрел на встающий над морем небосвод вселенной и переполнялся радостью от ощущения величия мира. Он слышал шепот взрослых: «Когда же власть переменится?». И этот контраст, эту несовместимость укладов юный Леонид Вышеславский воспринимал особенно остро. Во многом преодолеть этот кризисный период Л. Вышеславскому помог митрополит (владыка) Ювеналий (в миру В.К. Машковский), который возглавлял в те годы монастырь. Он жил в соседней келье, возле комнаты о. Харлампия и Эвридики. В саду (мне было тщательно показано дедуш-

кой, где именно), стоял стол, за которым проходили летние вечерние чаепития (вместо дефицитного сахара – сушеная рыба). Там же проходили занятия. Владыка Ювеналий обладал огромным опытом и знаниями в самых разных областях, живым характером, прекрасным тонким юмором. Намного позже, в 1980-х, дедушка говорил, что о. Александр Мень ему напомнил Ювеналия. Антирелигиозные рассуждения казались после бесед с Ювеналием, впрочем, как и с Менем, поверхностными выходками малообразованных людей.

Владыка Ювеналий много рассказывал юному Леониду Вышеславскому о своих путешествиях по Святой земле, Афону, по Европе. И, по словам Леонида, с удивительной скоростью его рука рисовала все, о чем он говорил. Пирамиды Египта, верблюды, арабы, гробницы Патриархов в долине Иордана, берег Галилейского моря, Париж, посетителей Лувра с тросточками, студентов на лекции в Сорбонне, художников в кафе на Монмартре. Получались рассказы с картинками – в юности о. Ювеналий был художником, и даже выставлялся на нескольких выставках (уж не на Салонах ли Издебского?). В Париже он посещал лекции А. Бергсона, и даже дружил с ним, – и на бумаге появлялся его портрет; был в дискуссии с Вл. Соловьевым – борода на рисунке, беседовал с Мережковским, З. Гиппиус, Н. Федоровым, поддерживал взгляды митрополита Шептицкого в его споре с Соловьевым, а Флоренский обладал «птичьим носом». Все это изображалось на бумаге. Юному Леониду он преподавал первые уроки французского, основы стихосложения, передал некоторые навыки рисования (сочетание рисунка тушью с акварелью по стилю отдаленно напоминали сецессию).

По рассказам дедушки, однажды владыка Ювеналий и протоиерей Харлампий провели несколько собраний-дискуссий в монастыре для местной молодежи. На ограде монастыря вывесили плакат с приглашением на встречу со священниками под названием «Почему люди не верят в Бога?». Несмотря на антирелигиозный ажиотаж и открытую враждебность тех лет, зал был полон. Ювеналий говорил о важности культуры, настоящих знаний о мире, о том, что каждый человек может только тогда стать твор-



Ювеналий

цом окружающего, когда осознает свое положение в мире, в космосе. Что труд без этого становится не творчеством, а обязанностью, рабством. И что один и тот же труд может быть и свободой, и рабством, а зависит это от отношения к себе и Богу. Отдельная встреча была посвящена тому, что религия не в прошлом. Она идет вместе с наукой. Она помогает творить будущее, но творить его не по приказу, а творчески, с любовью. Что миру и обществу нужны еще многие преобразования, что интуиция объединяет чувство и мысль, и тогда они идут вместе, устремлены в будущее, находятся в постоянной эволюции.

Однажды мы (дедушка, бабушка и я) поехали в центр Одессы на трамвае, который из-за нерегулярности сообщения называли «жди меня». Мы пришли в какое-то кафе на улице Дерибасовской, там, где улица начинается свой плавный выложенный брусчаткой спуск. Сели за столик. Мне ничего не рассказывали, но я почувствовал особую радость воспоминаний на лицах моих родных, их углубленные во что-то взгляды, что можно видеть не глазами, а только памятью. Эта обстановка придавала особое чувство радостной значимости всему происходящему вокруг – съедаемому мороженому, интерьеру, проходим, необычно жаркому для киевлянина небу.

По дороге из Одессы к Большефонтанскому мысу в XIX в. были построены роскошные особняки, окруженные парками. В одном из них свои летние гимназические каникулы проводила бабушка Л. Вышеславского – Евридика Митрофановна Цицильяно. Мы вышли на трамвайной остановке и долго бродили

в поисках древностей по тому месту, где когда-то был парк, стояли мраморные скульптуры, возвышалась над морем вилла. Воображение рисовало –

Колонны, портики, ограды,
Парадной лестницы разлет, –
В Одессе вольный дух Эллады
Сильней, чем где-либо, живет!

Но, увы, мы ходили по обычным асфальтированным дорожкам с гипсовыми вазами, по саду советской «санаторной» планировки. Некоторые сомнения вызывала роскошная вилла, самая старая на территории, с просторной обращенной к морю верандой с медальонами из майолики. Но точных сведений, была ли это вилла славного мэра Одессы Г. Маразли, у нас не было. Во время этой прогулки Л. Вышеславский вспомнил рассказ – импровизированную сказку – про скульптуры из этого парка, которая ему в детстве запомнилась со слов бабушки:

«В прекрасный парк возле Одессы прилетели скульптуры из итальянской Каррары. Они были из белого мрамора, как и горы в их родной Карраре. Они жили на высоком берегу моря в тени деревьев, среди цветов. Можно было слышать их рассказы, если тихо и долго стоять между ними, – ведь они располагались лицом друг к другу, вдоль аллеи. Но потом начались войны, а хозяин парка, который пригласил их в Одессу, заболел и умер. Они очень грустили и решили сообщить родственникам хозяина парка, что с ним стало. Так они, подобно перелетным птицам, вернулись в Италию и Юг соседней Франции».

В тот день я узнал, что Евридика Митрофановна Цицильяно принадлежала к древнему греческому княжескому роду, вынужденному вдали от родины заниматься коммерцией. Училась в кишиневской гимназии, где считалась лучшей ученицей. В гимназические годы в Кишиневе участвовала в конкурсе красоты, где получила первый приз. Венчалась с семинаристом, сыном священника из греческого дворянского рода фанариотов, Харлампием

Ивановичем Платоновым. После замужества всецело ушла в воспитание детей, что не мешало ей поддерживать дружбу с подружками и учителями гимназии, которые высказывали сожаление, что она не посвятила себя преподаванию музыки. Была прекрасной рассказчицей. Умела и любила петь, особенно украинские народные песни. Была любимой внучатой племянницей Г.Г. Маразли. В юности некоторое время воспитывалась в его доме, позже часто там бывала. Любовь к искусству, литературе, театру, музыке, интерес к истории с оттенком краеведения, умение петь – во многом приобрела благодаря окружению и обстановке в доме Маразли.

Особое расположение Г. Маразли распространилось и на детей Евридики. Согласно семейному преданию, потомкам Евридики Г. Маразли завещал большую сумму. Увы, из-за революции Леонид Вышеславский не только не смог воспользоваться завещанием, но был вынужден скрывать свое родство с Маразли.

Большую любовь Евридики Митрофановна питала к своему внуку, сыну Клеопатры, – Леониду Вышеславскому. В течение ряда лет именно она занималась его воспитанием и образованием.

Лето 1976 года было необычно жарким – температура не опускалась ниже 35 градусов. Конечно, большее время дня мы проводили в море. Но дедушку влекло вдаль. Мы заплывали дальше всех и плыли до тех пор, пока берег не превращался в еле видимую полосу, а пароходы, которые с берега обычно не видны, представляли перед нами, как огромные башни. Но и это моему дедушке показалось недостаточным. У каких-то знакомых в Одессе он достал надувную лодку. На ней мы достигли той дальней воды, по которой проходила трасса гигантских кораблей. Берега уже не было видно. Там мы купались в ледяной почти черной воде. Чувствовалась бесконечная глубина и высота над нами и под нами, невесомость и необъятность обволакивающего все пространства. Огромная стихия. Думаю, это похоже на космос, а еще так чувствовали себя древние – с наслаждением говорил дедушка. Когда мы уже возвращались вплавь, толкая перед собой лодку, над нами на несколько минут завис вертолет пограничников, а со стороны мыса по пляжу шло четверо военных. Мы сдули

лодку и улеглись на нее, как на матрац, среди других загорающих. Нас не заметили.

К территории Дома творчества, несколько дальше от Одессы, примыкал полузаброшенный парк. Там возвышался пустующий сложенный из темного камня особняк с высокой башней. В один из дней меня туда повел дедушка. Он говорил, что это «Башня Иванова», известного поэта и переводчика, что в особняке проходила изысканная жизнь деятелей искусств начала XX века, а башню именовали «башней из слоновой кости». Увы, большинство имен, о которых тогда шла речь, мне не удастся вспомнить, но по оставшемуся впечатлению, это было одно из любимых мест символистов. На втором этаже стоял почти истлевший бильярд. На полу вперемешку с прошлогодней листвой – шары из потемневшей слоновой кости. Я взял ближайший. На нем была цифра пять, которую пересекала тонкая трещина. «Все расхищено, предано, продано», – продекламировал дедушка отрывок из «Канцоны – II» А. Ахматовой. Эти строки он произносил почти всегда, когда видел упадок и разрушение культуры.

Прошли годы. Настал новый век, и теперь уже мне довелось вспомнить строки из «Канцоны – II». Несколько дней я жил в домиках какой-то базы отдыха возле Белгорода. Но несмотря на отдаленность, решил побывать снова в Доме творчества и погрузиться в воспоминания. На Большой Фонтан мне удалось добраться лишь к вечеру.

В лучах закатного солнца я вошел в величественные, но изрядно обветшавшие ворота с надписью «Дом творчества писателей». Центральная аллея была перерыта траншеями, ворота не охранялись, а вдалеке, в парке, какие-то рабочие или сторожа жгли костер. Опасаясь, что меня остановят, я с деловым видом проследовал к строениям на краю обрыва. Кинотеатра уже давно не было, провал начинался намного раньше. Половина лучшего когда-то корпуса – столовой – лежала в руинах из-за подточившего ее бок оползня. Не было и того места, где читали стихи под акациями, – оно растворилось в пространстве над морем. Приблизительно там, где собирались поэты, но только далеко внизу, беззвучно и еле заметно шевелились кроны сползших, но не упавших деревьев. Слева вдалеке, перекрывая линию горизонта,



Леонид Вышеславский

как и прежде, величественно и горячо освещался последними лучами мыс монастыря. К моей радости, сохранился корпус, где мы когда-то жили, первый перед столовой. Я взбежал на крыльцо. Вошел и был удивлен открытым дверям и выбитым окнам. На подоконнике – цветы и сломанные детские игрушки, на полу – матрацы и чьи-то вещи. Сушится на перилах тряпье, хаотично разбросана одежда. Удивили и странные рисунки, процарапанные на стенах с чудовищными элементами са-

дизма. В раздумьях, обитаем ли Дом творчества, и кем, я дошел до края сильно укороченной временем аллеи, перпендикулярной обрыву. Она была съедена оползнями, как свеча съедается пламенем. Тем временем стало почти совсем темно, тихо и тягостно. Действительно, думалось мне: «Все расхищено, предано, продано, // черной смерти мелькало крыло». Я повернулся к воротам, чтоб выбраться, но они оказались закрыты, а ко мне с кольями в руках приближались те, кого я по ошибке принял за рабочих. Бомжи в лохмотьях, синяках. В воздухе стояла угроза и осязаемая всем телом опасность. В памяти промелькнули рисунки со стен корпуса, отрывки из фильмов Шукшина.

Через несколько мгновений я уже, как ящерица, прыгал в почти полной тьме с одной ступени оползней на другую, бежал по берегу, перелезал через забор, переводил дух в кустарниках. Уже глубокой и темной ночью в разодранной одежде я поднялся по какому-то длинному, казавшемуся бесконечным, глинистому подъему и обнаружил себя, как это ни выглядит символично, у стен Большефонтанского монастыря.

А значит – в безопасности!

Леонид Вышеславский

Стихи из разных сборников,
посвященные Одессе

Из цикла «Глина»

Детство

Детство берег морской исходило и обжило,
Все излазило кручи до самых вершин,
Потемнело от солнца, как глина от обжига,
И наполнилось небом, как влагой кувшин.

В глине – алюминий

Соль сверкает у моря узорами инея,
Выше – огненной глины громоздятся пласты...
Уж не здесь ли из скрытого в ней алюминия
Были сделаны крылья моей звездной мечты?!

Призыв к перелету

Крик журавлей над кромкой берегов
Летит из туч, что небеса закрыли.
А море? Море слышит этот зов,
О берег бьется и ломает крылья.

В бурю

Чайки кричат, будто реи скрипят.
Растормошенные волны кипят,

В брызгах весь мир от макушки до пят.
Реи скрипят, будто чайки кричат.

Улица Амудсена на Большом Фонтане

Выступами глины бухту стискивая,
Берега на жгучем солнце млеют,
По-былому стены монастырские
У подножья маяка белеют.
И все так же яростней паяльника
Полдень с морем небеса сливает,
Улица великого полярника
От жары нещадной изнывает.
День переливается под кручею,
Отданный на растерзанье зною,
Доверху наполненный трескучею
Тишиною.
Но от прежних дней с их яростью и мукой
Не осталось ни следа,
Ни следушка...
Уходил когда-то я отсюда
Внуком,
А теперь сюда вернулся
Дедушкой.

80-е годы

Морская банка

Морская банка – отмель, периодически выступающая над водой.

Опять, как рыба, твердь земная
всплыла у моря на краю,
и волны чешут, набегая,
ракушечную чешую.

Все увеличено, все крупно
на этом ложном островке:

как бы под линзой, крабьи трупы
лежат на тлеющем песке.

Сюда прибитое полено
простерлось мира поперек,
и заслоняет полвселенной
баркаса выщербленный бок.

Иду, вливаюсь в безграничье,
и то ль в тревоге, то ль в тоске
вокруг мятутся крики птичьи
и птичьи тени на песке.

На море штиль – в бакланах банка,
на море шторм – и нет ее,
не банка это, а обманка.
Виденье. Призрак. Забытье.

Перед пустыми берегами
она исчезла без следа.
Где было твердо под ногами,
теперь – лишь зыбкая вода.

60-е годы

Берег

Эскадра строем караванным
проведать нас издалека
плывет то в сумраке туманном,
то в резком свете маяка.

А берег сдержанно и зорко
уже встречает корабли,
и ночь дозорною моторкой
слегка пульсирует вдали.

Стремлюсь и я во тьму взглядеться,
и мне отчетливо слышны
удары собственного сердца
среди полнокровной тишины.

Осенние проводы

И.К. Черновой

Уже темно, хоть далеко до ночи.
Дождь полосует плетью по ногам.
А люд идет, закончив день рабочий,
спешит к своим остывшим очагам.

Людской поток. Он в ляжку ветра впряжен,
и кажется: вот-вот польется вспять.
Ташу и я с тобой твою поклажу,
стараясь только память не помять.

Хранится там с твоей улыбкой детской
иная даль, иная сторона:
ракушечник Аркадии одесской
обкатывает жаркая волна.

Крошатся блески утреннего света
По берегу, по всей его резьбе.
Рука в часы наручные одета,
Да наблюдать их незачем тебе!

А нынче жизнь вокзальными часами
До каждого мгновенья учтена,
И мы стремимся разобраться сами,
какие нам судились времена.

Дорога в лужах. Ветер. Тьма глухая.
Как хочется во всем тебе помочь!

И электричка – вся в слезах – вздыхает,
И вздох глубокий уплывает в ночь.

70-е годы

Большой Фонтан (Одесса)

Над глиной круч –
Большой Фонтан.
Фонтан-фантом.
Фонтан-фантаст.
Фонтан
С фатальным для меня
Дымком кадильного огня,
С окладами церковных книг,
Когда приморская заря
Стекала с башен угловых
Успенского монастыря.
Где глины пласт,
На месте том –
Фонтан-фантаст, фонтан-фантом.
Там Ювеналий –
Ювелир
Душ человеческих –
Осенил
Благословеньем жизнь мою.
И я поныне жадно пью
Былое –
За струей струю.
И беспрестанно
В полный рост
Струя фонтана
Бьет до звезд.

12-15 августа, 9 октября 1999, Киев

Колокол

Памяти Харлампия Ивановича Платонова

Июльский вечер над церковным садом.
На колокольне время льется зря:
Давным-давно звонить к вечерне надо,
А колокол молчит. Нет звонаря.
Вновь загулял, наверно. Прощелыга...
Дед говорит мне: «Леня, выручай!»
И я по лестнице крутой взбегаю мигом,
Схватил канат и оттянул на край.
«Язык» тяжел. Скрипит. Его непросто
так раскачать, чтоб вызрел громкий звук,
в нем, верно, два моих мальчишских роста
и он моих не слушается рук.
На колоколе потемневшем, старом
Медь в противоположных двух местах,
Куда обычно падают удары,
Блестит. Но вот уж «языка» размах
Обрушился на колокол. И дрогнул
Подвешенный под небо медный свод,
И звуки мерно, полновесно, гордо
Плывут, и мне подвластен их черед.
Все с колокольни видно: отблеск моря,
Обрывы в красной глине и сады,
Шаланды острогрудые у мола,
Крыш черепичных пестрые ряды.
Где нынче камни этой колокольни?
Где этот колокол? Он вырван с «языком»
Безумьем века. Горше, беспокойней
И глуше стало на сердце людском.

1979

Люстдорф

Мечтам и солнцу не было предела,
И лентой смоль волос переплетя,

Над рукодельем девушка сидела,
Еще почти дитя.
Цветущий персик облаком лиловым
Над балюстрадой дачною парил,
Я с нею не обмолвился и словом,
Лишь медлил у перил.
Почти дитя, а взор совсем недетский...
Случилось мимоходом услышать,
Как ей (мне показалось – по-немецки)
Сказала что-то мать.
Забуть об этом было так легко мне
За столько лет,
Хоть память не слаба.
Быть может, то, о чем я нынче вспомнил,
Была моя судьба.

28 июня 1990

Тайное свиданье

Чтоб никто не хаял и не цыкал, –
Прямо к морю, в мир камней и трав,
Прибыла любовь на мотоцикле,
Пыли хвост до облака задрал.

Хорошо влюбленным жить на свете.
Не спеша спустились под откос,
Камни спят. Волну швыряет ветер.
Мотоцикл в траве лежит, как пес.

70-е годы

Купание в шторм

Шторм для купанья – время неурочное:
Вылы нагромождаются нелепо,
И шхуна,
Их вознею замороченная,
Все время попадает пальцем в небо.

Стихия в бухте еле умещается,
Шарахается берег от волны.
В такие дни
Купаться воспрещается.
Стой в стороне.
Смотри со стороны.
Ох,
Как мотает шхуну однопалую!
Как волны гложут черную кору!
...Люблю из шторма выпрыгнуть на палубу
и в пять минут обсохнуть на ветру!

70-е годы

Раскопки

На берегу пустынного лимана
Издали приехавшие люди
Лопатами раскапывали город,
Упорно, пядь за пядью отгесняя
От древних стен столетий океан.

В углах дворов зияют водоемы,
Сереют в глине зольные кладки
И розовеют печи, на которых
Дыхание огня запечатлелось
Такого ж молодого, как теперь.

И солнце. Рассыпаясь по лиману,
Неугомонно ткет и ткет лучами
Материю, не знающую сносу,
Идущую на выделку созвездий,
Людских сердец и завтрашних времен.

60-е годы

В вечерний час

Сегодня я открыл окно и замер:
Из края в край все небо в поздний час
Не звездами сверкает, а глазами
Людей, туда стремившихся до нас.
Горят созвездья выпукло и четко, –
Пригвождены к ним испокон веков
Глаза провидцев, взоры звездочетов,
Скитальцев, мореходов, пастухов.

Глазами фантазеров и влюбленных,
И мудрецов, годами умудренных,
Не смаргивая, смотрит небосвод,

Сверлит зрочками, в душу проникает,
Нас приворотным взглядом привлекает,
притягивает, кличет и зовет.

60-е годы

